

Черняков Дмитрий
(режиссер)

10.10.01

ПРЕДУТРЕННИЙ САМАРСКИЙ СОН

Режиссер Дмитрий Черняков:
«Я доверяю своему
бессознательному»

Марина Федоровская

УСПЕХ московского режиссера и художника Дмитрия Чернякова в Мариинке — беспрецедентный случай в истории отечественного театра последних десятилетий. С января, когда там состоялась премьера одной из сложнейших русских опер «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии» Николая Римского-Корсакова, прошло более полугода. Общественность начинает беспокоиться: где знаменитый Митя, в тридцать лет успевший осуществить то, о чем маститым профессионалам мечтать страшно? Заговорить со сцены академического

ческие этим, как правило, не занимаются. Образование чаще всего у них условное, чего у оперных певцов не бывает, иначе он просто не сможет петь. Поэтому человек, который приходит с такими данными, с годами учебы в консерватории, конечно же, вызывает у меня уважение. Как какой-то высокоорганизованный инструмент, с которым я должен вступить в диалог.

— **Что такое оперная звезда?**
— Понятие «звезда» — это очень сложно. Бывают оперные певцы с великолепными вокальными данными. Бывают с такими, что меня это потрясает. В их пении есть такая сила, драйв и энергия, которые заставляют меня забывать о каком-то там его соответствии роли или лицей-

Дмитрий Черняков в поисках сюжета для новой песни.
Фото из архива автора

театра современным сценическим языком, и где — в классической русской опере! Колоссальная работа, риск и рекордное количество публикаций на тему.

После такого успеха если и пропадают, то ненадолго. Мы не собираемся — вопреки театральным традициям — раскрывать секреты репертуарных планов, которые составляются задолго до репетиций и громких премьер. Тем не менее можно говорить о том, что уже перешло на стадию предпремьерных репетиций. В сентябре, когда Дмитрий был в Москве, нашему корреспонденту удалось встретиться с ним и с некоторым трудом вытянуть кое-какую информацию о текущей работе режиссера.

По сложившейся традиции, хорошего московского режиссера в отсутствии собственного театра можно найти в старой доброй провинции. Впрочем, когда в одном отдельно взятом городе на осень намечаются премьеры сразу двух серьезных постановок (Дмитрия Чернякова — в одном театре, Адольфа Шапиرو в тандеме с художником Юрием Хариковым — в другом (театр САМАРТ), город быстро набирает обороты в социокультурном смысле.

Премьера новой постановки «Вестсайдской истории» в Академическом театре драмы ожидается в ноябре. Знаменитый мюзикл, классика моднейшего в прошлом веке музыкально-сценического жанра имеет все шансы прозвучать адекватно современной художественной мысли. Постановка осуществляется на базе театра, но в спектакле будут задействованы актеры со всего города. Черняков обещает, что из привычных для мюзикла элементов останутся лишь музыка и пение. «Все, что положено, споют», — пугает Черняков. Но нам не страшно: ко всему, что касается пения на сцене, режиссер относится с подобающим постановщику музыкальных спектаклей вниманием. Недаром в 2000 году его постановка оперы «Молодой Давид» в Новосибирском академическом театре была отмечена «Золотой маской» именно за исполнение партии царя Саула Валерием Гильмановым. Газеты тогда писали: «Режиссура Дмитрия Чернякова вслушивается в музыку и добывает подобную красоту из воздуха, света и мизансцен»...

— Мне бы хотелось сказать в адрес цеха оперных певцов некий комплимент, — говорит Дмитрий Черняков, — они за своими плечами имеют годы учебы, тренинг, они понимают законы своего дела и совершенствуют свое мастерство, как какой-нибудь мастер, ювелир. Актеры драмати-

стве. Я чувствую, как через этот дар идет мощная энергетическая атака, животная, архаическая сила. Она меня подавляет. Конечно, бывают случаи, когда к этому есть еще и актерский талант (это нечасто бывает), но, когда случается, это что-то несусветное. «Звезды» бывают обоих типов. Но я не знаю, что такое звезда... Есть просто понятие «оперная примадонна», в каком-то маньеристском смысле, просто привлекательный сценический образ, а чтобы по-настоящему выдающаяся личность — это большая редкость.

— **Может ли опера быть смешной?**

— Как таковой жанр комической оперы я не очень люблю. Возможно, это даже прекрасная музыка, но подлинной природы «комизма» таких произведений я никогда не ощущал. Это не было для меня полноценно смешно. Я всегда стараюсь быть максимально серьезным, и если ишу где-нибудь что-то смешное, то в чем-то неочевидно смешно. Я видел одну постановку, я видел даже много постановок одного европейского режиссера, бывших очень серьезными, далекими от юмора произведениями. Одной из них была «Гибель богов» Вагнера, которая не предполагает ничего комичного, но манера режиссерского рассказа была настолько своеобразной и в первый момент кажущейся дикой, что постоянно вызывала у меня смех. Большую часть спектакля я недоумевал и хохотал, но потом понял, что через это нелепое и смешное проявляется что-то гораздо более важное, трагическое и серьезное, что в серьезном виде совершенно на меня не действует. Все, конечно, зависит от подачи, от постановщика, от актеров.

— **Ваш творческий почерк очень яркий, но зрители могут только догадываться, что продиктовало вам тот или иной прием или визуальное решение.**

— Да, мне очень многое нравится: в этот раз одно, в другой раз — другое. Ничего «фирменного» и «излюбленного» у меня нет, ничего такого, что я мог бы преподнести вне зависимости от произведения. Все очень разное. Принципиально разное. Я свой почерк не знаю, со стороны его не видел и не знаю, как пишутся мои буквы. Поэтому не бывает, чтобы я захотел и использовал какой-то прием, а потом опять этим воспользовался. Все происходит гораздо более нерационально, как предутренний сон. На каком-то этапе мне даже очень сложно анализировать, из чего это все берется и каким образом придумывается. Я доверяю своему бессознательному. ■

315